

Коптелова Н.Г. В сборнике: [Костромская земля в жизни великой России](#)
Материалы межрегиональной научно-практической конференции, посвященной 70-й
годовщине образования Костромской области. Сост. и отв. ред. А.Р. Наумов. 2014. С.
124-126.

«КОСТРОМСКИЕ МОТИВЫ» В ПРОЗЕ А. М. РЕМИЗОВА

Н. Г. Коптелова

Костромской государственной университет, г. Кострома

В последние десятилетия творческое наследие А. М. Ремизова всё более активно привлекает внимание литературоведов. Весьма важен тот факт, что его прозу можно изучать в региональном аспекте. Исследование «костромских истоков» образов и сюжетов А. М. Ремизова многое объяснит в его художественном мире, обозначит новые подходы к истолкованию его произведений. Писатель словно напроорочил свою встречу с Костромской землёй в сказке «Кострома», вошедшей в его первую книгу «Посолонь» (М., 1907).

Вероятно, сказка «Кострома» дала повод Ф. К. Сологубу, впервые увидевшему наш город в мае 1906 года, поделиться впечатлениями от встречи с Костромой именно с А. М. Ремизовым (в письме от 27 мая 1906 года) [1, с. 173].

Заочная связь Ремизова с Костромским краем стала обретать плоть, когда М. М. Пришвин познакомил его с И. А. Рязановским, ставшим одним из основателей Романовского музея. Встречу с костромским «книжником» и «учёным археологом», произошедшую после 1907 года, Ремизов считал судьбоносной («Подстриженными глазами», «Кукха. Розановы письма»). Иногда писатель делился со своим костромским другом творческими идеями и планами. Например, в письмах Ремизова к Рязановскому по своему отразилась история создания повести «Крестовые сёстры» [2, с. 141-142].

Во многом благодаря Рязановскому Ремизов создал повесть «Неуёмный бубен» (1910). «Костромская основа» сюжета этого произведения проявляется во множестве топографических и историко-культурных деталей. Уже начало повествования намекает на то, что именно Кострома стала прообразом места действия. «Среди достопримечательностей» города назван «Древний Прокопьевский монастырь с чудотворною иконою Фёдора Стратилата», в котором угадывается Ипатьевский монастырь с иконой Фёдоровской Божьей Матери. «Женский Зачатьевский монастырь», рядом с которым живёт главный герой повести Иван Семёнович Стратилатов, скорее всего, восходит к Анастасиину монастырю, который примыкал к улице Царёвской, где находился дом И. А. Рязановского. Упомянута и «местная

учёная архивная комиссия», прославившаяся в Костроме своей активной деятельностью (одним из её руководителей был Рязановский).

Ключевую роль в повести «Неуёмный бубен» играют мифологические мотивы. Очень важен, например, мотив «шишиги», «шишиморы». С. В. Максимов в книге «Нечистая, неведомая и крестная сила» говорит о разном смысловом наполнении образа «шишиморы» в представлениях тех или иных регионов России. В повести Ремизова слово «шишимора» близко к «костромскому» варианту толкования: «прилежный, но копотливый рабочий» [3, с. 44]. Купец Тарактеев, называя Стратилатова «шишиморой» и имея в виду способность своего конкурента терпеливо, кропотливо отыскивать и собирать редкие предметы старины, употребляет слово именно в этом значении.

«Костромские истоки» имеет и сюжет повести Ремизова «Пятая язва» (1912), написанной вслед за «Неуёмным бубном». По утверждению писателя, в этом произведении изображён «уездный город Костромской губернии Галич – материал рассказа И. А. Рязановского» [4, с. 327]. Примечательно, что в Костроме в доме Рязановского Ремизов завершал работу над повестью [5, с.118]. Здесь прозаик испытал настоящий творческий подъём. Он восторженно делился с А. Блоком своими впечатлениями от встречи с Костромой в день отъезда (в письме от 20 августа 1912 года) [6, с. 110]. Сама атмосфера в доме на Царёвской способствовала тому, чтобы повесть, здесь завершённая, была пропитана духом «древней книжности». А. М. Грачёва, выявляя в повести «Пятая язва» мощный пласт традиций древнерусской литературы, справедливо связывает его с влиянием на Ремизова знатока «древних книг» Рязановского [7, с. 232-233]. Однако нельзя недооценивать и значения реальной основы устных рассказов костромского археолога для формирования художественного мира произведения.

В развитии сюжета повести «Пятая язва» ключевую роль играет образ уездного города Студенца, за которым угадывается древний Галич с прославленным Авраамиевым монастырём. В этом произведении не раз упоминается и губернский город Лыков, в котором нетрудно узнать приметы Костромы. В образе главного героя повести «Пятая язва» нашли отражение некоторые черты личности и факты биографии И. А. Рязановского. Боброва с Рязановским роднит профессия юриста, серьёзное отношение к служебному долгу, непререкаемая вера в силу закона, независимость и честность, интерес к истории и старине. По-видимому, от Рязановского герой наследовал и внутреннее одиночество, непонимание окружающими людьми. Вспоминая своего костромского друга, Ремизов с болью писал о его способности переносить всеобщую травлю в гордом молчании [5, с. 119].

Костромское затворничество среди книжных сокровищ Рязановского также вдохновило Ремизова на создание цикла миниатюр «Бисер малый»

[8]. Уже сам подзаголовок: «От словес Дебрёнского старца» [9, с. 161] – говорит о том, что именно «слово» Рязановского стало творческим импульсом для написания цикла произведений, представляющих собой художественные пересказы апокрифов. В сноске находим и указание самого автора: «Для сочинения пользовался я рукописным Коломенским прологом XVI в. и Лицевым рукописным подлинником села Уреня Варнавинского уезда Костромской губ. – Из собр. И. А. Рязановского» [8, с. 42]. Вероятно, одним из источников цикла стал тот самый рукописный «Пролог», о чтении которого в доме Рязановского восторженно писал Ремизов Блоку из Костромы 20 августа 1912 года [6, с. 110]. На основе «Пролога» написаны такие апокрифические сказания цикла, как «Покаяние», «Покровенный грех», «Человек божий», «Невера», «Иаков Постник».

«Костромские мотивы» звучат и в книге «Взвихренная Русь» (1927), над которой Ремизов начал работать ещё в страшные послереволюционные годы. Память о Костроме как средоточии национального духа своеобразно воскрешается в первой главе книги, где описывается встреча автора в поезде с костромской бабушкой Евпраксией, едущей с богомолья из Киева и поразившей его бедностью, добротой и безграничным смирением. Костромская старушка становится для Ремизова олицетворением всей терпеливой и многострадальной России.

Свидетельством творческих контактов Ремизова с Костромой является также публикация в газете «Поволжский вестник» от 2 апреля 1917 года «уйгурской сказки» «Ведьма». Пока не удалось выяснить, как ремизовская «сказка» попала на страницы костромской газеты.

Список литературы:

1. Грачёва А. М. К истории отношений Алексея Ремизова и Фёдора Сологуба (Введение к теме) // Блоковский сборник XV. – Тарту, 2000. – С. 171–181.
2. См.: Топоров В. Н. О «Крестовых сёстрах» А. М. Ремизова: поэзия и правда // Блоковский сборник IX. – Тарту, 1989. – С. 141–142.
3. Максимов С. В. Нечистая, неведомая и крестная сила. – М.: Советская Россия, 1989. – 526 с.
4. Ремизов А. М. Огонь вещей. – М.: Искусство, 1988. – 382 с.
5. Ремизов А. М. Взвихренная Русь. – М.: Советский писатель, 1991. – 536 с.
6. Литературное наследство. Т. 92;. Кн. 2: Александр Блок. Новые материалы и исследования. – М.: Наука, 1981. – 416 с.
7. Грачёва А. М. Судьба России в литературе 1910-х гг. (Повесть А. Ремизова «Пятая язва») // Литература и история (Исторический

процесс в творческом сознании русских писателей XVIII – XX вв.). – СПб.: Наука, 1992. – С. 229–250.

8. Ремизов А. М. Бисер малый // Заветы. – 1912. – № 8 – С. 42–60.
9. Ремизов А. М. Россия в письменах. Т. 1– М.; Берлин: Геликон, 1922. – 220 с.